

**РОЛЬ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ
В ФОРМИРОВАНИИ
ИСТОРИЧЕСКОЙ
ПОЛИТИКИ
В СТРАНАХ ПРИБАЛТИКИ**

В. А. Смирнов*

Анализируется роль политических элит в формировании исторической политики в Литве, Латвии и Эстонии. Выделяются три периода в развитии исторической политики в прибалтийских государствах. Проблемы политизации прошлого рассматриваются в связи с событиями политической жизни и международных отношений. Обобщается вывод об усиливающейся тенденции к продвижению «версий прошлого», уравнивающих нацизм и коммунизм, на общеевропейский уровень. В данном процессе прибалтийские элиты играют заметную роль, выстраивая взаимодействие с элитами Восточной Европы, экспертными и политическими кругами Западной Европы и США. Основные тенденции в развитии исторической политики в странах Прибалтики — использование политическими элитами административных и законодательных инструментов для утверждения предпочтительных «версий прошлого», а также активная политическая работа на межгосударственном уровне, нацеленная на включение прибалтийских «версий» прошлого в общеевропейскую политику памяти. Историческая политика прибалтийских режимов, выставляющая страны Прибалтики как жертвы «двух тоталитаризмов» («нацистской и советской оккупации»), активно используется в качестве внешнеполитического инструмента. Политизация темы «антитоталитаризма» — востребованный сегодня внешнеполитический инструмент, который служит интересам не только прибалтийских и восточноевропейских политиков, но находит идейных сторонников и в Западной Европе, и в США (в частности, в рамках «стратегии перемалывания», применяемой США в отношении постсоветского пространства).

* Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1

Поступила в редакцию 18.12.2014 г.

doi: 10/5922/2074-9848-2015-2-6

© Смирнов В. А., 2015

Ключевые слова: историческая политика, политические элиты, Прибалтика, Литва, Латвия, Эстония

Трактовка истории является неотъемлемым элементом государственного строительства, определяя содержание идеологического измерения данного процесса. В Восточной Европе после распада СССР политизация истории приобрела особенно яркий характер [11]. Историческая политика¹, проводимая элитами стран Прибалтики, представляет данный процесс в концентрированном выражении и заслуживает внимательного рассмотрения.

Научный интерес к проблемам консолидации политических и национальных сообществ возрос во второй половине XX в. Большое влияние в политической науке приобрело течение конструктивизма, выдвинувшееся на ведущие позиции при изучении национализма. Его опорный тезис заключается в «искусственном» происхождении национальных общностей, для «изобретения» которых элиты используют мифы и символы, передающие (и создающие) память о прошлом [22]. В центре этого процесса находится государство².

Несмотря на незавершенные споры об «искусственности» или «естественности» национальных общностей³, очевиден тот факт, что политическая консолидация общества требует целенаправленной политики со стороны элит. Данная деятельность ограничивается не только политическими целями представителей властных групп, но также доступными им ресурсами — как материальными, административными, так и символическими.

Важно различать понятия «историческая политика» и «политика памяти». Последняя представляет собой систему ритуалов и практик коммеморации и преподавания истории (памятные даты, праздники, наградная система и пр.). Историческая политика может быть определена как комплекс мер по активному продвижению конкретных интерпретаций событий прошлого для достижения определенных политических целей⁴. Субъектом исторической политики может выступать как

¹ Понятие «историческая политика» (Geschichtspolitik) получило распространение в Германии в 1980-х гг. в ходе «спора историков» о причинах нацизма. Канцлер Германии Г. Коль предложил немецкому обществу «морально-политический поворот» с целью подпитки патриотизма и ослабления комплекса вины. Критики данного подхода, ведущую роль среди которых сыграл Ю. Хабермас, обвинили сторонников «поворота» в политизации истории, используя для этого термин «историческая политика». В течение следующих двух десятилетий изначально негативный подтекст данного понятия был размыт. Историческая политика стала трактоваться не столько как политизация истории, сколько как сбережение памяти о прошлом, необходимое для политической консолидации нации. Термин получил широкое применение в Восточной Европе в ходе национального строительства и выработки идеологической базы новых режимов после распада СССР.

² Формирование централизованного бюрократического государства было продиктовано ведением войн и развитием экономики, что требовало повышения идеологического и мировоззренческого единства проживающих на его территории социальных групп. См. подробнее: [6; 38].

³ См. подробнее: [7].

⁴ Подробнее см.: [15].

государство, так и отдельные политические партии или влиятельные социальные группы. Конкретные цели исторической политики и степень интенсивности их достижения могут различаться, как и методы их достижения. В широком смысле историческая политика способствует «изобретению» традиций⁵ согласно определенным политическим целям властных групп. В соответствии с классификацией Э. Хобсбаума, «изобретение» традиций может выполнять три основные задачи: консолидация сообществ; легитимация власти; трансляция ценностей и норм поведения. На практике, как правило, происходит комбинирование данных задач.

Существенной теоретико-методологической проблемой является четкое разграничение предметной области и выработка критериев, на основе которых можно осуществлять сбор эмпирического материала при изучении исторической политики. Междисциплинарный характер данного исследовательского направления обуславливает известные трудности при операционализации концептуальных подходов. В настоящей статье основным объектом анализа стали публичные конкретные эпизоды, выступающие частью системных усилий по вмешательству политических элит⁶ в политику памяти, политизации истории⁷. Это вмешательство происходит на четырех основных уровнях: создание и поддержка институтов для проведения исторической политики; принятие законов, затрагивающих тематику прошлого и политику памяти; непосредственное участие или поддержка конкретных мероприятий, прямо воздействующих на политику памяти; участие в дебатах о прошлом и использование тематики прошлого в политической риторике. Объекты изучения определяют набор применяемых исследовательских методов: анализ кейсов, дискурс-анализ и институциональный анализ. Данный подход позволяет выявить характерные черты исторической политики в странах Прибалтики, сделать выводы о ключевых тенденциях и вероятных перспективах.

Активную историческую политику проводят все страны постсоветского пространства [3], однако модели существенно различаются. Так, в Центральной Азии распространена публикация книг глав государств, в которых дается однозначная трактовка национальной истории. В Вос-

⁵ Э. Хобсбаум определяет «изобретенные традиции» как «совокупность общественных практик ритуального и символического характера, обычно регулируемых с помощью явно или не явно признаваемых правил; целью ее является внедрение определенных ценностей и норм поведения, а средством достижения цели — повторение» [26, p. 165].

⁶ В настоящей статье используется определение политических элит, сформулированное О. В. Гаман-Голутвиной, как социальной группы, внутренне сплоченной, составляющей меньшинство общества и обладающей достаточными ресурсами для влияния на важнейшие стратегические решения в рамках политики [5].

⁷ Автор исходит из политологического ракурса при изучении исторической политики, фокусируя внимание на политизации истории — использовании тематики прошлого главным образом политическими акторами в политических контекстах. См. подробнее: [41].

точной Европе пространство для академических и общественных дискуссий шире, поэтому властные группы используют разнообразный набор инструментов.

После распада СССР в Восточной Европе историческая политика оказалась весьма востребованным ресурсом для достижения внутри- и внешнеполитических целей⁸. Среди них — легитимация власти, борьба с оппозицией, отвлечение внимания от значимой повестки дня, усиление позиций государства в международных переговорах и т.д.⁹ Несмотря на различие целей, имеется ряд общих черт, придающих исторической политике практическое звучание. Как отмечает российский историк А. И. Миллер, историческая политика может проводиться исключительно с позиции жертвы, поскольку она требует использования прошлых страданий не только как мобилизующей силы, но также и для «экспорта вины» [14].

Г. В. Касьянов выделил общие особенности для исторической политики стран Восточной Европы на современном этапе [12], среди которых — этническая эксклюзивность страданий; конфронтационность и элементы ксенофобии; акцент на «сакральных» мучениях нации; ответственность за зло возлагается на внешние силы, прежде всего коммунизм и др.

Перейдем к анализу исторической политики в странах Прибалтики. Литва, Латвия и Эстония часто относятся к лимитрофному пространству [32] как «культурной области, которая имеет немного либо вовсе не имеет признаков исторической государственности» [40, р. 80]. «Дефицит истории»¹⁰ ведет к самоидентификации стран Прибалтики на со-

⁸ Весьма точный собирательный образ восточноевропейской исторической политики приводится А. И. Миллером: «Во многих соседних странах есть политические силы, которые совершенно сознательно стремятся превратить историю в оружие политической борьбы. В области международных отношений они стремятся зафиксировать для тех или иных стран, прежде всего для России, роль "виноватого", а для своей — роль "жертвы", в расчете получить определенные моральные преимущества. Требуя от России покаяния и компенсаций за реальные и мнимые грехи, описывая ее как неизлечимо агрессивную имперскую нацию, создавая образ России как конституирующего и враждебного "Чужого", сторонники "исторической политики" считают ее подходящим инструментом для формирования национальной идентичности у себя в стране, для борьбы со своими политическими оппонентами, для маргинализации тех или иных групп населения, в том числе русского меньшинства, там, где оно есть» [16].

⁹ Подробнее о целях исторической политики см.: [11].

¹⁰ В литовском случае это проявляется, например, в безоглядном культивировании наследия Великого княжества литовского, позволяющем представителям властных кругов утверждать, что, «говоря о тысячелетии Литвы, мы говорим о тысячелетии нашего пребывания в Европе» (из речи президента Литвы В. Адамкуса 06.07.2009). Такая точка зрения, впрочем, не является общепринятой. Как пишет Э. Хобсбаум о ситуации первой четверти XX в., «немцы создали три малых прибалтийских национальных государства, которые не имели под собой исторического прецедента и, по меньшей мере, в случае Эстонии и Латвии — заметного национального запроса. Они [государства] поддерживались в качестве «санитарного кордона» против большевистской России» [26].

временном этапе как «Европа, но не совсем Европа» и предопределяет необходимость обширной работы по «изобретению новой истории» государственности.

Не может быть проигнорирован и тот факт, что страны Прибалтики после распада СССР стали передним рубежом в применяемой США на постсоветском пространстве «стратегии перемалывания» для раздробления потенциальных сил противодействия американским интересам¹¹. Это также накладывает отпечаток на политику прибалтийских элит и обуславливает инструментальный подход к истории, делает востребованной ее политическую «адаптацию».

В развитии исторической политики в странах Прибалтики можно выделить три основных этапа. Первый этап охватывает период с начала 1990-х до начала 2000-х гг. Это время формирования новых политических режимов прибалтийских государств и укрепления вектора на интеграцию в евроатлантическое пространство. На волне «поющих революций» к власти пришли так называемые «политики морали»¹² — представители научной и творческой интеллигенции. Их действия были направлены в первую очередь на символическое оформление новых политических режимов, де-факто изобретение и огосударствление национализма¹³. Одним из ярких собирательных образов, олицетворяющих указанную тенденцию, может считаться В. Ландсбергис, занимавший ведущие государственные посты в Литве в 1990-х гг. и считавший себя наследником А. Сметоны¹⁴.

В этих условиях запрос на историческую политику возник главным образом у нового политического руководства, которое остро нуждалось в ресурсах, доступных с точки зрения затрат и эффективных в смысле массовости результатов и необходимых для идеологического обоснования своего нахождения у власти и нового политического курса. В Прибалтике была провозглашена доктрина континуитета, утверждавшая связь новых политических режимов с правительствами периода независимости до Второй мировой войны. Центральными стали идеологемы «возвращения на Запад» и «советской оккупации».

¹¹ «Стратегию перемалывания» А. Д. Богатуров определяет как «линию на формирование и поддержку сети не особенно сильных и не слишком устойчивых государств... дорожащих поддержкой США, делающей их податливыми к американским рекомендациям» [4, с. 364].

¹² Феномен «политиков морали» в начале 1990-х гг. проявился в Восточной Европе и на Южном Кавказе. См. подробнее: [20]. О «политиках морали» в Прибалтике см.: [21].

¹³ Этничность активно использовалась как ресурс политической мобилизации в Прибалтике еще до выхода из СССР в 1991 г. при создании параллельных органов власти. См., например: [2].

¹⁴ Антанас Сметона — диктатор, захвативший власть в Литве в 1926 г. путем переворота и бежавший в Германию в 1940 г. О символической преемственности В. Ландсбергиса и А. Сметоны см.: [29].

К середине 1990-х гг. позиции «политиков морали» в основном ослабли. Пришедшие к власти новые руководители (большинство из них еще недавно были частью партийной номенклатуры) столкнулись с необходимостью укрепления власти в условиях политической и экономической трансформации, сопровождающейся нестабильностью. Путь исключения национальных меньшинств из политического процесса¹⁵, избранный элитами Латвии и Эстонии, воплотился в институт «неграждан».

В этот период историческая политика получает стремительное институциональное оформление. Под патронатом государства создаются специализированные институты, музеи, комиссии, призванные продвигать и агрессивно охранять конкретную историческую интерпретацию, со временем приобретающую все более сакральный статус¹⁶. Национальные парламенты инициируют создание комиссий по подсчету ущерба от «советской оккупации»¹⁷. «Наследие коммунизма» становится универсальным внутривнутриполитическим ответом элит на текущие проблемы в экономике и институциональном развитии. Но это еще и способ примирить демократическую идеологию, необходимую элитам для интеграции на Запад, и государственный этнонационализм, исключая национальные меньшинства из политического процесса (институт «неграждан» в Латвии и Эстонии, проблема польского меньшинства в Литве)¹⁸. Активно эксплуатируется и тема «внешней российской угро-

¹⁵ В начале 1990-х гг. в Латвии и Эстонии были приняты законы, учреждающие институт «неграждан» — жителей республик, пораженных в политических, экономических и социальных правах. Дискриминации подверглись практически все жители республик, не являвшиеся потомками довоенных жителей Латвии и Эстонии. Они получили ярлык «советских иммигрантов». По некоторым оценкам, их численность доходила до 40% от общего населения Латвии начала 1990-х гг. и до 30% — в Эстонии [33, р. 33].

¹⁶ Перечислим лишь наиболее известные учреждения: Центр исследования геноцида и резистенции жителей Литвы, Комиссия по истории при Президенте Латвии, Эстонский институт исторической памяти. Музеи «нацистской и советской оккупации» созданы в Литве, Латвии и Эстонии и их посещение с неизменным постоянством вносится в программы визитов западных политиков. В 2013 г. после восьмилетнего перерыва по указу Президента Литвы Д. Грибаускайте возобновила свою деятельность Международная комиссия по оценке преступлений нацистского и советского режимов в Литве.

¹⁷ В Эстонии подсчет ущерба от советской оккупации начался еще в 1992 г. В Литве в 2000 г. Сейм принял закон «О возмещении ущерба от советской оккупации». В 2005 г. в соответствии с декларацией Сейма Латвии начала работать комиссия по подсчету ущерба от оккупации в Латвии.

¹⁸ На фоне присоединения Литвы, Латвии и Эстонии к ЕС активизировалась традиционная критика со стороны международных организаций, касающаяся массовых нарушений прав человека в прибалтийских государствах. С соответствующими докладами и заявлениями выступали профильные органы ООН, ОБСЕ, Совета Европы, ПАСЕ, Еврокомиссии, а также различные международные общественные правозащитные организации.

зы» как часть так называемого «дискурса секьюритизации», оправдывающего стремление политической элиты войти в евроатлантическое пространство безопасности¹⁹.

Точкой отсчета второго этапа в развитии исторической политики в Прибалтике стало присоединение Литвы, Латвии и Эстонии к НАТО и Евросоюзу в 2004 г. Вопреки распространенным ожиданиям это не привело к снижению конфронтационности исторической политики в Прибалтике. Альтернативу воплощали дискуссии о «балтийской идентичности» Литвы, Латвии и Эстонии на основе «исторического региона Балтики», но они остались на периферии внимания прибалтийских политиков [35].

Как отмечает М. Малксоо, «экзистенциальная политика становления европейцами» после присоединения прибалтийских государств к НАТО и ЕС не ослабла. Но теперь она проводится не с целью присоединиться к европейской идентичности, но продлить европейскую идентичность до границ с Россией. «Постоянные апелляции к истории делают возможным «позиционирование себя как жертвы России и безразличия Европы... [позволяют] поставить ЕС в позицию должника Прибалтики. Это позволяет не только настаивать на получении необходимой политической и экономической поддержки, но также претендовать на включение интересов прибалтийских государств во внешнюю политику ЕС», — подчеркивает М. Малксоо [31, р. 289].

Цель «возвращения в западную семью народов» была мощным элементом легитимации политических элит Прибалтики. Достижение данной цели закономерно создало идейный вакуум, который необходимо было заполнить. Фактически, речь идет об институциональной ловушке (так называемой «дурной бесконечности»), в которой оказались прибалтийские элиты. Темы «советской оккупации» и «российской угрозы» служили обоснованием института «неграждан» в Латвии и Эстонии и ослабление внимания к ним с высокой вероятностью привело бы к глубокому политическому кризису. Прибалтийские политики отдавали себе отчет в серьезности данных рисков²⁰. Поэтому универсальным аргументом вновь стали апелляции к прошлому и национализму. Данные сюжеты служили не только легитимации государственных институтов, но сохраняли свою привлекательность и с точки зрения использования

¹⁹ Например, для Литвы роль, играемая фактором советского наследия, может быть проиллюстрирована примером из мемуаров бывшего госсекретаря США Дж. Бейкера, который, вспоминая свой первый визит в страны Балтии в сентябре 1991 г., писал, что политическое руководство Латвии и Эстонии, встречаясь с ним, говорило о расширении торгового взаимодействия и экономического сотрудничества в целом, в то время как первые лица Литвы говорили о другом — «о советской угрозе». См. подробнее: [28].

²⁰ Показательное заявление сделала в 2005 г. председатель Комиссии по иностранным делам Сейма Латвии Вайра Паэгле: «Если мы отказываемся от концепции оккупации, то ставим под угрозу нашу политику в отношении гражданства, в отношении неграждан и их прав и других ключевых вопросов. Понятно, что на такой шаг мы пойти не можем» (Вести сегодня. 2005. 21 мая).

в повседневной внутривнутриполитической борьбе. Латвийские ученые Б. Зеза и И. Супуле заключали, что политические элиты «по-прежнему используют этничность для того, чтобы привлекать сторонников на выборах. Таким образом, именно политики становятся основным катализатором усиления этнической напряженности» [10, с. 9].

Литовский исследователь В. Сафроновас отмечает, что предпринятая евроатлантическая интеграция Литвы сделала необходимой весьма обширную программу по «переработке памяти» и «формированию прозападных настроений населения». При этом на постоянной основе проводилась работа по превращению «сопротивления оккупациям» в середине XX в. в наивысшую ценность. Достижение «исторической справедливости» осуществлялось через отрицание предшествующего режима (в том числе и путем криминализации альтернативных оценок), через введение процедуры люстрации и др. [18].

С 2004 г. отмечается дальнейшее нарастание конфронтационности исторической политики в странах Прибалтики и Восточной Европы в целом [17]. Одним из наиболее зримых проявлений противоречий стали печально известные «войны памятников» в Прибалтике²¹. Однако основные тенденции были более обширными: продолжилась глорификация нацизма²² и эксплуатация темы «советской оккупации», отождествление советского и нацистского режимов. Вхождение представителей зарубежных диаспор в состав политических элит Прибалтики на протя-

²¹ Отметим лишь несколько наиболее заметных эпизодов, случившихся на фоне множества более мелких инцидентов осквернения памятников: события вокруг демонтажа памятника советским воинам, павшим в Великой Отечественной войне в Таллине в 2007 г. («Бронзовый солдат»); многочисленные попытки демонтировать памятник воинам-освободителям в рижском Задвинье; планы властей Литвы по сносу советских скульптур (в том числе воинам Красной армии) в Вильнюсе. Параллельно устанавливаются новые памятники, например памятник латышским legionерам СС в г. Бауска.

²² Среди наиболее символических событий следует отметить регулярные марши ветеранов СС в столицах Прибалтики и похороны с государственными почестями пособников нацизма. Так, в 2014 г. в Эстонии состоялись торжественные похороны ветерана СС Х. Нугисекса. В 2012 г. в Литве торжественно перезахоронен Ю. Амбразевичус. Возглавляемый им Фронт литовских активистов был одним из инициаторов массовых убийств евреев в Литве во время Второй мировой войны. Яркой иллюстрацией идеологии данной организации является выдержка из статьи «За что борются активисты?» председателя комиссии по пропаганде Фронта литовских активистов Б. Райлы, 10 мая 1941 г.: «Последствия прошлых веков и особенно большевистская оккупация нанесли большой вред организму литовского народа, заразили отвратительными бактериями и развели на литовской земле уйму сорняков. Поэтому Фронт литовских активистов полон решимости, восстановив новую Литву, незамедлительно и до основания очистить литовский народ и литовскую землю от евреев, паразитов и вырожденцев. В свете этой задачи очищение от евреев составляет самую главную ее часть». Полный текст статьи приводится в: [39].

жении 1990—2000-х гг. придало дополнительный импульс данным процессам²³. В среде прибалтийских диаспоральных сообществ значительный вес имели нацистские коллаборационисты и их потомки.

Известный литовский историк Ч. Лауринавичюс указывает на довлеющую политическую подоплеку в интерпретации событий Второй мировой войны в Литве. Он подчеркивает политизированность занимаемой властными группами Литвы позиции: с одной стороны, политика прибалтийских стран в тот период оправдывается любыми средствами, а с другой — максимальная вина возлагается на СССР. В результате закрепляется образ «восточного соседа» как постоянного врага, который впоследствии используется с манипулятивными целями в соответствии с внутриполитической конъюнктурой [13].

Ощущение неопределенности после вступления в НАТО и ЕС, породившее череду внутриполитических кризисов, повлекло усиление «антитоталитарной» риторики политических элит [1]. Эти процессы совпали по времени с «оранжевыми революциями» на постсоветском пространстве, которые подхлестнули в Восточной Европе новую волну политизации истории²⁴.

В качестве границы начала третьего этапа в развитии исторической политики стран Прибалтики может рассматриваться рубеж 2010-х гг. Однако предпосылки постепенно складывались на протяжении предыдущих двух десятилетий. Основной тенденцией становится продвижение прибалтийскими элитами своих «версий» прошлого на общеевропейский уровень. В этой работе задействуются международные площадки ОБСЕ, Европейского парламента, ПАСЕ, Европейского суда по правам человека, Парламентской ассамблеи НАТО и др.²⁵

Процессы европейской интеграции на протяжении последних десятилетий способствовали примирению и активному диалогу «национальных версий» прошлого в Западной Европе. Происходило формирование так называемой «постнациональной культуры памяти», предполагающей плюрализм трактовок прошлого [42] на основе признания во

²³ Пост Президента в Литве и Эстонии занимали выходцы из литовской диаспоры в США, граждане США В. Адамкус (1998—2003 гг., 2004—2009 гг.) и Т.Х. Ильвес (2006 г. — по настоящее время). В. Вике-Фрейберга, гражданка Канады, была президентом Латвии в 1999—2007 гг. Представители зарубежных диаспор также занимали и продолжают занимать высокие посты в парламентах, дипломатических и силовых ведомствах прибалтийских стран.

²⁴ В частности, Украина во время президентства В.А. Ющенко попыталась повторить «прибалтийский путь» в исторической политике, создавая музеи «советской оккупации» и пытаясь сделать идею о голодоморе краеугольным идеологическим основанием государственной легитимности.

²⁵ Так, показательной является реакция общеевропейских институтов на празднование в Москве 60-летия Победы в Великой Отечественной войне. Европейский парламент принял резолюцию (12 мая 2005 г.) по итогам Второй мировой войны, указывая на «масштаб страданий, несправедливости, длительной социальной, политической и экономической деградации, пережитых нациями-пленниками, оказавшимися по восточную сторону железного занавеса» [24]. ПАСЕ приняла резолюцию (22 июня 2005 г.), в которой призвала Россию выплатить компенсации «лицам, депортированным из оккупированных стран Прибалтики (курсив авт. — В.С.) и их потомкам» [34].

многим общей вины европейских государств за Холокост. Вступление государств Восточной Европы в ЕС повлекло постепенную трансформацию сложившейся модели. Произошло обострение полемики вокруг исторических тем [37] на фоне продвижения восточноевропейскими государствами «национальных» историй, в которых данные страны выступают жертвами «двух тоталитаризмов» — «нацистского» и главным образом «советского».

Довольно точную характеристику данному процессу дал немецкий ученый К. Фолк: «Национализация памяти о «советской оккупации»... (в странах Прибалтики) нацелена на формирование культурной памяти жертвы и игнорирует темные стороны национальной истории, в том числе сотрудничество со сталинской Россией и нацистским режимом, но в особенности давнюю традицию антисемитизма» [42]. Данные исторические противоречия наложились на стремление прибалтийских элит повысить собственный статус, расширить ресурсные возможности в рамках Евросоюза, что привело к активизации исторической политики на общеевропейском уровне. Усилия представителей прибалтийских режимов в этом направлении концентрировались как на уровне институтов ЕС, так и на межгосударственном уровне стран Восточной Европы. Более широкие возможности для продвижения собственной «исторической программы» перед прибалтийскими элитами открылись в связи с украинским кризисом, вызвавшим рост недоверия и сокращение научных и дипломатических контактов между Евросоюзом и Россией [17]. Однако нельзя сказать, что в Прибалтике историческая политика полностью перенесена с национального на наднациональный уровень. Скорее, последний стал новой площадкой для реализации апробированных и по-прежнему развивающихся на национальном уровне подходов к исторической политике.

В странах Прибалтики политики продолжают активно эксплуатировать тему «русской угрозы» в рамках популистской программы для мобилизации электората [27]. Р. Х. Симонян указывает, что манипулирование «оккупационной концепцией» позволяет правым национал-радикальным партиям мобилизовать существенную часть электората в ходе парламентских выборов [19]. Но происходят и более фундаментальные сдвиги: политизированное прочтение прошлого закрепляется на законодательном уровне, приобретая нормативный, общеобязательный характер. Парламенты Литвы и Латвии в 2010 и 2014 гг. соответственно принимают законы, устанавливающие уголовную ответственность и наказание в форме лишения свободы за отрицание «советской оккупации». Летом 2015 г. в Литве запланировано начало масштабного судебного процесса против граждан России, участвовавших в январе 1991 г. в обеспечении порядка во время волнений в Вильнюсе. Политически ангажированный процесс нацелен на международную правовую дискредитацию России как «правопреемника преступного государства — СССР»²⁶.

²⁶ В основе обвинения тезис о том, что в январе 1991 г. СССР совершил «агрессию» в отношении Литвы как «независимого государства». Альтернативная трактовка событий 1991 г. запрещена — усомнившийся в официальной версии А. Палецкис, бывший вице-мэр Вильнюса, был подвергнут уголовному нака-

В 2013—2014 гг. в Литве на парламентском уровне проходила активная дискуссия об изменении записи в графе «место рождения» в паспорте граждан с «Литовской ССР» на «оккупированную Литву».

Если раньше пространство исторической политики подогревалось политическими декларациями, политикой в сфере культуры и образования, спорадической цензурой в СМИ, то к настоящему времени процесс «дозрел» до криминализации отрицания санкционированных властями «версий прошлого». Фактически, пространство исторической политики внутри прибалтийских стран постепенно сжимается под давлением административных и законодательных механизмов, все больше напоминая систему государственной идеологии.

«Историко-идеологические» новеллы в законодательстве прибалтийских стран можно было бы рассматривать как попытку «закручивания гаек» во внутренней политике. Однако более вероятное объяснение отсылает к линии прибалтийских элит на приравнение нацистского и советского режимов и, следовательно, Холокоста и «преступлений коммунизма» под общей вывеской «преступлений тоталитаризма». Данную гипотезу подтверждает попытка провести аналогичные законы в Европейском парламенте. В 2010 г. Еврокомиссия отклонила законопроект «О двойном геноциде», предполагавший приравнение «преступлений коммунистических режимов» к Холокосту и введение уголовной ответственности за их отрицание и «тривиализацию». Инициаторами законопроекта, наряду с Литвой и Латвией, выступили Болгария, Венгрия, Румыния и Чехия.

Общеввропейский вектор прибалтийских элит на осуждение «преступлений тоталитаризмов», на первый взгляд, входит в противоречие с распространенной в Прибалтике практикой глорификации нацизма. Символичным является так называемый «кризис в Лихула» в 2004 г. В этом эстонском городе был установлен барельеф, изображающий солдата в форме СС с подписью: «Эстонским мужчинам, которые воевали в 1940—1945 гг. против большевизма и во имя восстановления независимости Эстонии». Менее чем две недели спустя памятник был ночью демонтирован эстонскими властями без публичного обсуждения. Это спровоцировало активные дискуссии на тему слабости и несамостоятельности национального правительства. Эстонские ультранационалисты осквернили ряд памятников советским воинам.

занию, лишен государственных наград, стал объектом кампании по дискредитации в СМИ. Дело о январских событиях 1991 г. в 2010 г. в Литве было переключено как «военное преступление» и «преступление против человечности», не имеющее срока давности. Около 80 граждан России являются подозреваемыми по этому делу, через Интерпол выданы несколько десятков ордеров на арест. Данное уголовное дело вместе с более «мелким» о нападении на литовский таможенный пост в пос. Мядининкай в июле 1991 г., в ходе которого погибли семь литовцев (в Литве осужден бывший омоновец К. Михайлов), составляет идеолого-пропагандистский стержень современного политического режима в Литве.

Анализ указанной коллизии позволяет увидеть более широкую интеллектуальную подоплеку общеевропейского вектора исторической политики прибалтийских элит. За два года до огласки законопроекта «О двойном геноциде», в 2008 г. в номере эстонского журнала *Diplomaatia*, приуроченном к 90-летию юбилею обретенной в 1918 г. независимости Эстонии, вышла статья Ю. Луйку [30], в прошлом — министра иностранных дел и министра обороны Эстонии.

Исходной точкой содержащихся в статье рассуждений является констатация: признание Холокоста стало не столько следствием Нюрнбергского трибунала или работы историков, но было результатом политической борьбы. Ю. Луйку предложил отказаться от попыток ревизии истории нацизма в прибалтийских государствах и сосредоточить усилия на применении «принципов Нюрнберга» к «преступлениям коммунизма». В качестве главной задачи обозначено формирование международного политического консенсуса по данному вопросу. Поборниками новой доктрины должны в первую очередь стать посткоммунистические общества как «жертвы преступлений тоталитаризма». При этом основные усилия было предложено сосредоточить в общественной сфере, а не на законодательном уровне.

Инициативы последних лет подтверждают движение политических элит стран Прибалтики в обозначенном направлении — как во внутренней, так и внешней политике. Таким образом, «российская угроза» сегодня служит гармоничным дополнением более обширной политической программы. Элиты прибалтийских государств стремятся активнее апеллировать не столько к интересам, сколько к идентичности западных партнеров [1].

Универсальным аргументом выступает «нацистская и советская оккупации», конструируемые в ходе активной исторической политики теперь и на общеевропейском уровне. Парадоксально, но Москва де-факто не является главным адресатом подобной политики, хотя возмещения «ущерба за оккупацию» прибалтийские элиты официально требуют лишь от России. Базовая посылка такого подхода — «равноценность вины» гитлеровской Германии и СССР и признание «вины» европейцев за допущение «двух оккупаций» прибалтийских государств. При этом США из Прибалтики часто видится как гарант «европейского статуса» и покровитель малых стран, «пострадавших от тоталитаризмов». Позиционируя себя как жертв «тоталитаризмов», представители прибалтийских политических режимов пытаются заставить Европу «искупить вину попустительства». Приоритетными в данном случае являются даже не столько «точечное» воздействие на установки принимающих решения европейских элит, сколько влияние на общественное мнение и широкие политические круги в ЕС, создание соответствующего общеевропейского политического климата.

Подобное влияние воплотилось в многочисленных резолюциях европейских международных организаций, примеры которых были приведены выше. Тема «коммунистического тоталитаризма» при активном участии прибалтийских политиков ставится в повестку дня междуна-

родных конференций, проникая в широкую общеевропейскую политическую и интеллектуальную дискуссию. Показательным примером стала состоявшаяся в 2013 г. в Европейском парламенте конференция «Давид и Голиаф — малые народы под гнетом тоталитарных режимов», организованная членом Европейского парламента от Латвии И. Вайдере²⁷. Параллельно с конференцией в Европейском парламенте была организована выставка «Тоталитаризм в Европе».

Следует в этом контексте отметить и фильм «The Soviet Story», режиссером которого был праворадикальный латышский историк (а сейчас — политик) Э. Шноре. Основная идея фильма, озвученного на английском языке и ориентированного на европейскую аудиторию, заключается в приравнивании «гитлеризма и сталинизма». Российские историки представили убедительные доказательства тенденциозности при подборе «исторических фактов» и прямых фальсификаций, положенных в основу киноленты [8]. Несмотря на это, политическая карьера режиссера получила мощный импульс. Э. Шноре прошел от националистической партии Латвии ВЛ-ОС/ДННЛ в Сейм, а в 2014 г. был назначен председателем Латвийской комиссии по подсчету ущерба от советской оккупации²⁸.

Несмотря на высокое государственное внимание к исторической политике в Прибалтике, попытки отличного от санкционированной версии исторического анализа фактов, положенных в ее основу, вызывают острую реакцию. В феврале 2015 г. в литовском издании «Геополитика», связанном с МИД Литвы, вышла статья под заголовком «Аморальные попытки переписать историю» [23]. Автор выражает озабоченность публикацией и изучением в России многочисленных архивных документов, подтверждающих факты «сотрудничества стран Восточной Европы с нацистами». В статье проводится мысль о том, что данные находки являются попыткой изменить традиционную трактовку истории Восточной Европы и квалифицирует исторические исследования как «аморальные». Таким образом, открыто отвергается любой научный диалог, который подменяется претензией на «моральную цензуру». «Распространение этой пропаганды становится опасным — она действует не только на Россию, но и проникает в мировое общество», — заключает автор. Таким образом, анализ непреложного факта активнейшего участия прибалтийских формирований в преступлениях нацизма именуется «пропагандой», причем «аморальной».

Политизация темы «антитоталитаризма» востребованный сегодня внешнеполитический инструмент, который служит интересам не только прибалтийских и восточноевропейских политиков, но находит идейных сторонников и в Западной Европе («новые философы»), и в США

²⁷ Акцент был сделан на «угнетения чеченского, крымско-татарского и карельского народов». И. Вайдере сформулировала цель конференции так: «пролить свет на тот факт, что множество людей были репрессированы, депортированы, подвергнуты пыткам и убиты в эпоху тоталитарного коммунизма» [25].

²⁸ Подробнее об исторической политике в Латвии см.: [9].

(неоконсерваторы). Обвинения в тоталитаризме вписываются в «стратегию перемалывания», применяемую США в отношении постсоветского пространства²⁹. Новый виток историческая политика в Восточной Европе получила уже в 2015 г. на фоне украинского кризиса. Его характерной чертой стало изобретение и заявка исторических идеологом на уровне высшего руководства стран Восточной Европы³⁰.

Подводя итог, можно отметить, что основными тенденциями в развитии исторической политики в странах Прибалтики является использование политическими элитами административных и законодательных инструментов для утверждения предпочтительных «версий прошлого», а также активная политическая работа на межгосударственном уровне, нацеленная на включение прибалтийских «версий» прошлого в общеевропейскую политику памяти. Историческая политика прибалтийских режимов, выставяющая страны Прибалтики как жертвы «двух тоталитаризмов» («нацистской и советской оккупации»), активно используется в качестве внешнеполитического инструмента.

В развитии исторической политики в государствах Прибалтики выделяется три этапа. В ходе первого (начало 1990-х — середина 2000-х гг.) произошло оформление доктрин «возвращения на Запад» и «советской оккупации», которые служили средством консолидации электората и легитимации пришедших на смену коммунистическому руководству прибалтийских элит. Второй этап, начавшийся после вступления Литвы, Латвии и Эстонии в НАТО и ЕС в 2004 г., привел не к расширению пространства бесконфликтности, а к наращиванию конфронтационности в сфере исторической политики. На рубеже 2010-х гг. оформилась основная тенденция третьего этапа — выведение темы приравнивания нацизма и коммунизма на общеевропейский уровень. В этом процессе политики из стран Прибалтики играют весьма заметную роль, наряду с элитами других стран Восточной Европы, используя политическую карту «жертвы тоталитаризмов». Основным адресатом в данном случае выступает Запад, тогда как образ «российской агрессии и тоталитариз-

²⁹ Наследниками тоталитарных идеологий фактически объявляются все потенциально мощные государственные и межгосударственные объединения, не входящие в евроатлантическое военно-политическое пространство. Обратной стороной борьбы с «зачатками тоталитаризма» посредством активной «анти-тоталитарной» исторической политики на общеевропейском уровне является дискредитация идеи сильной государственности. Данная логика охватывает не только традиционную критику России и Китая за «авторитарные тенденции», но также служит и недопущению сближения России и Германии.

³⁰ Так, министр иностранных дел Польши Г. Схетына заявил об освобождении Освенцима украинцами, а премьер-министр Украины А. П. Яценюк сказал о «советском вторжении на Украину и в Германию». Примечательно, что «историческим эскападам» руководителям стран Восточной Европы предшествовало заявление посла США в Сербии М. Кирби в сентябре 2014 г. о том, что «Белград освободила 3-я украинская армия». В то же время на фоне громких заявлений и антиросийской кампании в СМИ, например в той же Польше, ушла на периферию общественно-политического внимания Волынская трагедия.

ма» служит лишь средством для подогревания темы. Политический расчет представителей прибалтийских режимов заключается в эксплуатации комбинации «комплекса вины» и «внешней угрозы» с целью поддержания повышенного внимания на Западе к судьбе прибалтийских государств и получения дополнительных ресурсов.

Активная историческая политика, оправдывающая институциональную дискриминацию национальных меньшинств в Прибалтике и служащая ресурсом во внешней политике, привела к формированию институциональной ловушки. Отказ от роли «форпоста» («прифронтовых государств») в борьбе с «восточной угрозой» и историческим прошлым «тоталитаризмов» чреват глубоким политическим кризисом в странах Прибалтики. Активная историческая политика положена в основу легитимности не только политического режима, но и политической системы прибалтийских государств в целом.

На текущем этапе наблюдается тенденция к увеличению конфронтационности исторической политики стран Прибалтики и Восточной Европы. Как показывает проведенный анализ, данные процессы начались задолго до украинского кризиса. В настоящий момент одна из главных целей исторической политики прибалтийских элит — влияние на общественное мнение стран Евросоюза с тем, чтобы укоренить представление о равенстве между нацизмом и коммунизмом.

По мере продолжения конфронтационной исторической политики пространство маневра для корректировки текущего курса у элит стран Прибалтики постепенно сокращается. Столкновение геополитических интересов крупных держав в Европе послужит дальнейшему ужесточению исторической политики, проводимой элитами стран Прибалтики, и все более агрессивным попыткам закрепления ее идеологием на общеевропейском уровне.

Список литературы

1. *Астров А.* Эстония: политическая борьба за место в истории // *Pro et Contra*. 2009. № 3—4. С. 109—124.
2. «Атмода» сквозь «перестройку»: сюжеты латвийской (анти)советской истории в период распада СССР // *Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований*. 2011. № 1(3). С. 124—133.
3. *Ачкасов В. А.* «Политика памяти» как инструмент строительства постсоциалистических наций // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2013. № 4. С. 106—123.
4. *Богатуров А. Д.* «Стратегия перемалывания» во внешней политике США // *Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений*. М., 2002.
5. *Гаман-Голутвина О. В.* Политическая элита — определение основных понятий // *Полис*. 2003. № 3. С. 97—103.
6. *Геллнер М.* Нации и национализм. М., 1991.
7. *Геллнер М.* Пришествие национализма. Мифы нации и класса // *Путь: международный философский журнал*. 1992. № 1. С. 9—61.
8. *Дюков А. Р.* «The soviet story»: Механизм лжи. 2-е изд. испр. и доп. М., 2008.

9. Дюков А.Р., Симиндей В.В. Государственная историческая политика Латвии : материалы к изучению. М., 2011.
10. Зена Б., Супуле И. Латвийская субмарина // Эксперт Северо-Запад. 2005. №34.
11. Историческая политика в XXI веке / под ред. А. Миллера, М. Липман. М., 2012.
12. Касьянов Г.В. Danse macabre: Голод 1932—1933 років у політиці, масовій свідомості та історіографії (1980-ті — початок 2000-х). Київ, 2010. С. 209—212.
13. Лауринавичюс Ч. Как соседи становятся врагами // Россия и Балтия / под ред. А.О. Чубарьяна. М., 2011. Вып. 6 : Диалог историков разных стран и поколений. С. 123—130.
14. Миллер А.И. Историческая политика и ее особенности в Польше, Украине и России // Отечественные записки. 2008. 5 (44).
15. Миллер А.И. Роль экспертных сообществ в политике памяти России // Политика. 2013. №4. С. 114—126.
16. Миллер А.И. Россия: власть и история // Pro et Contra. 2009. №2. С. 51—52.
17. «Плохие предчувствия». Телемост с историком Алексеем Миллером. URL: <http://gefter.ru/archive/14325> (дата обращения: 26.02.2015).
18. Сафроновас В. О тенденциях политики воспоминания в современной Литве // Ab Imperio: Studies of New Imperial History and Nationalism in the Post-Soviet Space. 2009. №3. P. 424—458.
19. Симонян Р.Х. Россия и страны Балтии. Две модели социального развития. М., 2009. С. 131—139.
20. Смирнов В.А. Политическое развитие постсоветского пространства: к вопросу о роли политических элит // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2014. №6.
21. Смирнов В.А. Формирование политической элиты Литвы на рубеже 1980—1990-х гг.: роль «политиков морали» // Балтийский регион. 2011. №4 (10). С. 18—31.
22. Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London, 1991.
23. Babilčiūtė L. Amoralūs bandymai perrašyti istoriją // Geopolitika. URL: www.geopolitika.lt/?artc=7179 (дата обращения: 28.02.2015).
24. European Parliament resolution on the sixtieth anniversary of the end of the Second World War in Europe on 8 May 1945. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=TA&reference=P6-TA-2005-0180&language=EN&ring=B6-2005-0290> (дата обращения: 26.02.2015).
25. Hearing on Totalitarian Regimes. URL: <http://arc.eppgroup.eu/press/phili13/highlights-10.pdf> (дата обращения: 26.02.2015).
26. Hobsbawm E. Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality. Cambridge University Press, 2012.
27. Jakobson M., Balcere I., Loone O. et al. Populism in the Baltic States. Tallinn University, 2012.
28. Jankauskas A., Žeruolis D. Understanding Politics in Lithuania / DEMSTAR Research Report №18; ed. by Norgaard O., Johannsen L. Department of Political Science, University of Aarhus. 2004. P. 18—19.
29. Lieven A. The Baltic Revolution: Estonia, Latvia, Lithuania and the Path to Independence. New Haven, London, 1994. P. 68.
30. Luik J. Meie kohustus // Diplomaatia. 2008. No. 54.
31. Mälksoo M. From Existential Politics Towards Normal Politics? The Baltic States in the Enlarged Europe // Security Dialogue. 2006. Vol. 37, No. 3. P. 289.

32. *Mälksoo M.* Liminality and Contested Europeaness: Conflicting Memory Politics in the Baltic Space // *Identity and Foreign Policy: Baltic-Russian Relations and European Integration* / ed. by Berg E., Ehin P. Ashgate, 2009. P. 65—83.

33. *Onken E.* The Baltic States and Moscow's 9 May Commemoration: Analysing Memory Politics in Europe // *Europe — Asia Studies*. 2007. Vol. 59, No. 1.

34. *PACE* Resolution No. 1455. Honouring of Obligations and Commitments by the Russian Federation. URL: <http://assembly.coe.int/main.asp?link=/documents/adoptedtext/ta05/eres1455.htm> (дата обращения: 26.02.2015).

35. *Post-Cold War Identity Politics: Northern and Baltic Experiences* / ed. by Lehti M., Smith D. Routledge, 2004.

36. *The Invention of Tradition* / ed. by E. Hobsbaum, R. Terence. Cambridge, 1983. P. 43.

37. *The Politics of Memory in Postwar Europe* / ed. by Lebow R., Kansteiner W., Fogu C. Duke University Press, 2006.

38. *Tilly C.* War Making and State Making as Organized Crime // *Bringing the State Back* / ed. by Evans P., Rueschemeyer D., Skocpol T. Cambridge, 1985. P. 169—191.

39. *Truska L., Vareikis V.* Holokausto prielaidos: antisemitizmas Lietuvoje. Vilnius, 2004. P. 270—308.

40. *Turner V.* The Ritual Process: Structure and Anti-Structure. Harmondsworth, 1969.

41. *Verovsek P.* The Politics of Memory: a Conceptual Approach to the Study of Memory in Politics. MacMillan Center, Yale University, 2012.

42. *Volk C.* Struggle, Dissent and Debate: Politics and Memory in Europe // *Eutopia*. 2014. July 18.

Об авторе

Вадим Анатольевич Смирнов, кандидат политических наук, старший научный сотрудник факультета политологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Россия).

E-mail: VSmirnov@kantiana.ru

THE ROLE OF POLITICAL ELITES IN THE DEVELOPMENT OF POLITICS OF MEMORY IN THE BALTIC STATES

V. Smirnov*

* *Lomonosov Moscow State University*
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia

Submitted on December 18, 2014

The article focuses on multiple cases of the politicization of history by the Baltic political elites. Three states of development of politics of memory in the Baltic States are identified. Problems of political exploitation of the past are scrutinized in the

context of political life and international relations. It is concluded that the narratives of the past where nazi and Soviet legacies are equated are actively promoted on the pan-European level. Elites of the Baltic States play a salient role in this process and enhance ties with the elites of the Eastern Europe, expert and political communities of the Western Europe and USA. The dominant trends in the development of the historical politics in the Baltic countries are the administrative and legislative instruments for approval of the preferred narratives of the past, as well as an active political work at the international level aimed at the inclusion of the Baltic narratives of the past into the European politics of memory. Historical politics of the Baltic States shows the Baltic countries as the victims of "two totalitarianisms" ("Nazi and Soviet occupation"), and this point of view is widely used as a foreign policy tool. The politicization of the "anti-totalitarianism" issue is now a popular foreign policy tool that not only serves the interests of the Baltic and Eastern European politicians, but also finds ideological supporters in Western Europe and the United States.

Key words: politics of memory, political elites, Baltic states, Lithuania, Latvia, Estonia.

References

1. Astrov, A. 2009, Jestonija: političeskaja bor'ba za mesto v istorii [Estonia: the political struggle for a place in history], *Pro et Contra*, no. 3—4, p. 109—124.
2. «Atmoda» skvoz' «perestrojku»: sjuzhety latvijskoj (anti)sovetskoj istorii v period raspada SSSR ["Atmoda" through "restructuring": The story of the Latvian (anti) Soviet history during the collapse of the Soviet Union], *Zhurnal rossijskih i vostočnoevropejskih istoričeskikh issledovanij* [Journal of Russian and East European Studies History], no. 1 (3), p. 124—133.
3. Achkasov, V.A. 2013, "Politika pamjati" kak instrument stroitel'stva postsocialističeskikh nacij ["Politics of memory" as a tool for the construction of the post-socialist nations], *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], no. 4, p. 106—123.
4. Bogaturov, A.D. 2002, «Strategija peremalyvanija» vo vneshnej politike SShA ["The strategy of grinding" in US foreign policy]. In: *Očerki teorii i metodologii političeskogo analiza mezhdunarodnyh otnoshenij* [Essays on the Theory and Methodology of Political Analysis of International Relations], Moscow, p. 364.
5. Gaman-Golutvina, O.V. 2003, Političeskaja jelita — opredelenie osnovnyh ponjatij [The political elite — the definition of the basic concepts], *Polis*, no. 3, p. 97—103.
6. Gellner, M. 1991, *Nacii i nacionalizm* [Nations and Nationalism], Moscow.
7. Gellner, M. 1992, Prishestvie nacionalizma. Mify nacii i klassa [The advent of nationalism. Myths of nations and classes], *Put': mezhdunarodnyj filosofskij zhurnal* [Path: international philosophical journal], no. 1, p. 9—61.
8. Djukov, A.R. 2008, «The soviet story»: *Mehanizm lzhi* [«The soviet story»: The mechanism of lies], Moscow.
9. Djukov, A.R., Simindey, V.V. 2011, *Gosudarstvennaja istoričeskaja politika Latvii: materialy k izucheniju* [The state historical policy of Latvia: the study of materials], Moscow.
10. Zepa, B., Supule, I. 2005, Latvijskaja submarina [Latvian submarine], *Jekspert Severo-Zapad* [Expert North-West], 12—18 September, no. 34, p. 9.
11. Miller, A., Lipman, M. (eds.), 2012, *Istoričeskaja politika v XXI veke* [Historical politics in the XXI century], Moscow.

12. Kasyanov, G. V. 2010, *Danse macabre: Golod 1932—1933 rokiv u politici, masovij svidomosti ta istoriografii* (1980-ti — pochatok 2000-h) [Danse macabre: The famine of 1932—1933 in politics, mass consciousness and historiography (1980s — early 2000s)], Kiev, p. 209—212.
13. Laurinavičius, Č. 2011, Kak sosedi stanovjatsja vragami [As neighbors become enemies], *Rossija i Baltija* [Russia and the Baltics], no. 6. Dialog istorikov raznyh stran i pokolenij [The dialogue of historians from different countries and generations], Moscow, p. 123—130.
14. Miller, A. I. 2008, Istoricheskaja politika i ee osobennosti v Pol'she, Ukraine i Rossii [Historical policy and its peculiarities in Poland, Ukraine and Russia], *Otechestvennye zapiski* [Notes of the Fatherland], no. 5 (44).
15. Miller, A. I. 2013, Rol' jekspertnyh soobshhestv v politike pamjati Rossii [The role of the expert community in the memory of Russian policy], *Politia*, no. 4, p. 114—126.
16. Miller, A. I. 2009, Rossija: vlast' i istorija [Russia: the power and history], *Pro et Contra*, no. 2, p. 51—52.
17. «Plohie predchuvstvija». Telemost s istorikom Alekseem Millerom ["Bad feeling." Teleconference with historian Alexei Miller], 2015, *Hefter*, available at: <http://gefeter.ru/archive/14325> (accessed 26.02.2015).
18. Safronovas, V. 2009, O tendencijah politiki vospominanija v sovremennoj Litve [About memories policy trends in contemporary Lithuania], *Ab Imperio: Studies of New Imperial History and Nationalism in the Post-Soviet Space*, no. 3, p. 424—458.
19. Simonyan, R. H. 2009, *Rossija i strany Baltii. Dve modeli social'nogo razvitija* [Russia and the Baltic countries. Two models of social development], Moscow, p. 131—139.
20. Smirnov, V. A. 2014, Politicheskoe razvitie postsovetskogo prostranstva: k voprosu o roli politicheskikh jelit [Political development of post-Soviet space: the question of the role of political elites], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 12. Politicheskie nauki* [MSU Vestnik. Series 12. Political sciences], no. 6.
21. Smirnov, V. A. 2011, The formation of the political elite in Lithuania at the turn of the 1980s—1990s: the role of “moral politicians”, *Balt. Reg.*, no. 4, p. 15—25. DOI: 10.5922/2079-8555-2011-4-2.
22. Anderson, B. 1991, *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*, London.
23. Babilčiūtė, L. 2015, Amoralūs bandymai perrašyti istorija, *Geopolitika*, available at: www.geopolitika.lt/?artc=7179 (accessed 28.02.2015).
24. European Parliament resolution on the sixtieth anniversary of the end of the Second World War in Europe on 8 May 1945, 2005, *European Parliament*, available at: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=TA&reference=P6-TA-2005-0180&language=EN&ring=B6-2005-0290> (accessed 26.02.2015).
25. Hearing on Totalitarian Regimes, 2013, *EPP Group Highlights*, available at: <http://arc.eppgroup.eu/press/phili13/highlights-10.pdf> (accessed 26.02.2015).
26. Hobsbawm, E. 2012, *Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality*, Cambridge University Press, p. 165.
27. Jakobson, M., Balcerė, I., Loone, O., Nurk, A., Saarts, T., Zakeviciute, R. 2012, *Populism in the Baltic States*, Tallinn University.
28. Jankauskas, A., Žeruolis D. 2004, Understanding Politics in Lithuania, *DEMSTAR Research Report*, no. 18, University of Aarhus, p. 18—19.
29. Lieven, A. 1994, *The Baltic Revolution: Estonia, Latvia, Lithuania and the Path to Independence*, New Haven, London, p. 68.

30. Luik, J. 2008, Meie kohustus, *Diplomaatia*, no. 54.
31. Mälksoo, M. 2006, From Existential Politics Towards Normal Politics? The Baltic States in the Enlarged Europe, *Security Dialogue*, Vol. 37, no. 3, p. 289.
32. Mälksoo, M. 2009, Liminality and Contested Europeaness: Conflicting Memory Politics in the Baltic Space. In: Berg, E., Ehin, P. (eds.), *Identity and Foreign Policy: Baltic-Russian Relations and European Integration*, Ashgate, p. 65—83.
33. Onken, E. 2007, The Baltic States and Moscow's 9 May Commemoration: Analysing Memory Politics in Europe, *Europe — Asia Studies*, Vol. 59, no. 1, p. 33.
34. Honouring of Obligations and Commitments by the Russian Federation, *PACE Resolution*, no. 1455, available at: <http://assembly.coe.int/main.asp?link=/documents/adoptedtext/ta05/eres1455.htm> (accessed 26.02.2015).
35. Lehti, M., Smith, D.(eds.), 2004, *Post-Cold War Identity Politics: Northern and Baltic Experiences*, Routledge.
36. Hobsbaum, E., Terence, R. 1983, *The Invention of Tradition*, Cambridge, p. 43.
37. Lebow, R., Kansteiner, W., Fogu, C. (eds.), 2006, *The Politics of Memory in Postwar Europe*, Duke University Press.
38. Tilly, C. 1985, War Making and State Making as Organized Crime. In: Evans, P., Rueschemeyer, D., Skocpol, T. (eds.), *Bringing the State Back*, Cambridge, p. 169—191.
39. Truska, L., Vareikis, V. 2004, *Holokausto prielaidos: antisemitizmas Lietuvoje*, Vilnius, p. 270—308.
40. Turner, V. 1969, *The Ritual Process: Structure and Anti-Structure*, Harmondsworth, p. 80.
41. Verovsek, P. 2012, *The Politics of Memory: a Conceptual Approach to the Study of Memory in Politics*. MacMillan Center, Yale University.
42. Volk, C. 2014, Struggle, Dissent and Debate: Politics and Memory in Europe, *Eutopia*, July 18.

About the author

Dr. Vadim Smirnov, senior research fellow, Faculty of Political Science, M. Lomonosov Moscow State University, Russia.

E-mail: VSmirnov@kantiana.ru